

КРОКОДИЛ

ДЕВЯТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ
ОКТЯБРЬ 1930
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

№ 30

ЦЕНА

15 коп.

Рис. М. Хратковского.

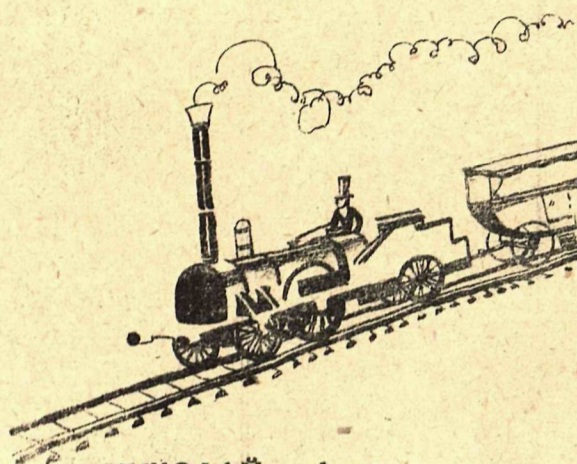
ИХ ПЕРЕЖИВАНИЯ

— Когда взяли Зимний дворец, не так было страшно, как теперь, когда они взяли такие темпы.

ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫЛОСЬ

Рис. М. Храпковского

НКПС отправил в Магнитогорск рельсы времен Николая I.
(Из доклада зам. нач. Магнитострой г. Валериуса).

НИКОЛАЙ: — А сколь прочны на дороге рельсы?

Гл. ИНЖЕНЕР: — Не извольте беспокоиться, ваше величество! Сии рельсы отменной прочности, их через сто лет на Магнитострой пошлют.

БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ СЛУЧАЙ СО СПЕЦКОРОМ ПЕРОГОНОВЫМ БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

В ОТ ОН Магнитогорск! — благоговейно прошептал, выбираясь из бесплакартного вагона, спецкор газеты «Красный луч» Перогонов (псевдоним С. Пер). — Вот она строящаяся громадина!

Перогонов вспомнил рассказы бывалых товарищей о стальных ковшах, роющих одним махом целые улицы, и его тощий, ободранный чемодан покачался ему еще более легким и жалким. «Чудеса техники!» — подумал он, чувствуя холод под ложечкой.

— Пред'явите документы! — окликнул Перогонова угрюмый коренастый человек в зеленом сюртуке с красными отворотами и в медном кивере с конским хвостом.

— Перогонов трепетной рукой достал бумаги и, подавая их охраннику, заметил, что ружье его кремневое.

— Странно! Ружье, точно из музея! «Спаяно я, что ли?» — подумал Перогонов, — но, уцепив себя за ляжку, убедился, что это не так.

— Пройдите в контору! — указал человек в кивере. — Там пропуск получите.

— Поберегись! — раздался сердитый окрик: — уши, что ли, клейтучом заложило?

Перогонов валянул и обомлел. Прямо на него катился, шипя и охая, маленький уродливый паровозик, похожий на большой самовар, поставленный на колеса. Из тесной будочки его выглядывала голова в черной треуголке с плюмажем.

— Осторожнее надо ходить! — строго сказала голова. — Сам видишь, какая машина: ее локтем задень — свалится. Говорят, родная сестра степенсоновской «Ракеты». Рельсы-то еще крепкие: со времен Николая первого, а вот паровоз...

На голове Перогонова тихо шелестнула волосом.
«Брежу!» — с ужасом подумал он, шупая лоб заледневшей рукой. — Откуда это на Магнитострое рельсы Николая первого и паровоз Степенсона? Брежу на яву. Ужасно!

Машинально он толкнул дверь в контору и вытаращил глаза. Вокруг стола, над которым была вполне современная советская надпись: «прораб»,

толпились люди, напоминающие ожившие манекены этнографического музея.

— Этот вариант следует изменить, — говорил безусый человек в облезлой боярской хламиде бородачу, на плечах которого болталась рваная николаевская шинель. — Дай-ка сюда папирус с чертежами плотины.

— Оставь, пожалуйста, свои новшества, — возражал бородачу. — Папирус дает совершенно ясную схему...

— «Папирус?!» — подумал Перогонов, чувствуя, как у него коченеет голова. — Где я? Что со мной?!

Он вспомнил ульсовскую «Машину времени» и почувствовал, как застучали зубы.

— Нет, вы все-таки погодите, — вмешался в спор небритый человек в кафтане, точно взятом на прокат у оперного бутафора. — Надо вывить детали отчетливо. Дай-ка сюда восковую табличку, я спичкой нацарапаю. Ну вот, смотрите.

Он стал выцарапывать что-то на пластинке, а остальные склонились над столом.

— Галлюцинирую! — решил дрожа, как в ознобе, Перогонов. — На Магнитострое не может быть восковых табличек и людей в боярских костюмах. Вероятно, я заболел в дороге. Разве уйти?

Но его заметили.
— Вам что, пропуск? — спросил бородачу в николаевской шинели.

— Да, пропуск, — пролетел еле живой Перогонов. — Строительство осмотреть бы.

Бородачу только разинул рот для ответа, как в контору ворвалась толпа людей, облаченных в грязные римские тунники. Они потрясали лопатами и топорами.

Невозможно работать! — кричал верзила, сдвигая на затылок железный шлем. — Лопаты бронзовые, а топоры железные. Как же ими действовать? Не берут!..

— Но ведь нет же других пока! — плачущим голосом сказал бородачу. — Ведь кремневыми топорами, что прислали вчера, совершенно немислимо работать. Справитесь уж как-нибудь. Я ведь уже десять телеграмм дал в центр. Авось, на-днях получим стальные топоры и железные заступы. Перебейтесь уж как-нибудь, не бросать

ведь работы!..

— Оно-то, конечно, зерно,—загомонил голоса. — Но невтерпеж совсем становится. Работать нечем. Струменту нехватает. Уж о спецодежде и не говорим. Тунники эти расплзаются по ниточкам. А римские котурны, хоть и покрепче скороходовской обуви будут, а все же не выдерживают...

— Погодите, ребята, немного,—сказал усталое человек в кафтане. — Все мы так ходим. Мне вон вместо спецодежды камзол елизаветинский дали, так трех дней не проносил. А насчет обуви... как-нибудь справимся. Обещали из какого-то ленинградского музея партию петровских ботфортов прислать. Говорят, крепкие еще. Обойдемся как-нибудь. Кстати, Алексей, имей в виду, что на откачку воды мы паровую машину Уатта ставим. Везут ее уже. Нашли где-то. Тогда и бронзовые трубы римские, что неделю назад прислали, используем.

— Да, это будет хорошо, — расплылся в улыбке Алексеев. — А то совсем непосильно вручную, черпаками работать. Ну, пошли, ребята!

Все вышли, толкаясь. Перогонов стоял, как зачарованный.

«С ума схожу, честное слово, с ума схожу», — думал он.

— Так вам, значит, пропуск нужен, товарищ? — спросил его бородачу. — Иван Семенович, дайте сюда глиняную табличку, я нацарапаю. Бумагой, знаете, нас не балуют, так мы вот приспособились: по-халдейски пишем. Туговато у нас со снабжением вообще!

— Так я действительно на Магнитострое? — спросил, трепеща, Перогонов. — Значит, я в здравом уме!!!

Через четверть часа Перогонов с блок-нотом в руках уже шагал по территории великой стройки.

— Пишите, дорогой товарищ, — говорил ему человек в николаевской шинели, оказавшийся начальником строительного участка. — Покрепче пишите. Тут каленое перо нужно! Авось, проберет кого следует! Безобразия ведь!

Пусть все описанное, к счастью, — только фантазия. Но ведь рельсы времен Николая первого — не фантазия? То-то!

Мих. Данилов.

ДЕРЕВЯННАЯ ГОЛОВА

На Магнитострое в одном и том же вагоне приходит 30 различных сортов. Кровосмешение ассортиментов, в котором невозможно быстро разобраться, которое требует лишней людей, транспорта и времени. Внешнее впечатление таково, что Магнитная завалена лесом, а между тем нет ни куска теса, нет полоторадийных досок. — материалу самого элементарного и необходимого

Вот этих транспортных чудес давно разгадана причина: довольно ясно всем, что лес грезит какая-то дубина.

Гулин.

ЧЕРЕПАШИЙ ШАГ

На Магнитострое не прислали ни одного автомобиля.

Этот способ в старом стиле не доподлинно знаком: если нет автомобилей, стройка двинется... пешком.

Ален Сан-Дыр.

ФОКУСНИКИ

ВТО (Всесоюз. текет объедин.) не отпускает ткани для матрацов строителям Магнитостроя.

В ВТО колдуют маги (в кабинетах тишь и гладь): мягко стелют... на бумаге, но на нарах жестко спят!

Дер-Гач.

ВЕРНАЯ ПОСЛОВИЦА

На некоторых участках Магнитострой работа страдает из-за отсутствия единоначалия.

Повторять ли об этом из'яне старую фразу: как говорится, «у семи нянек дитя без глазу».

А. С.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

На Магнитострое медицина, санитария, гигиена, столовые, вода, культурные развлечения, — все это на такой низкой ступени, что дальше, как говорится, некуда. (Доклад тов. Валериуса).

Все не устроено — даже вода, но она не внесет разлада: если уж будет такая беда, — черпайте смело в докладах!

Де-Рюгин.

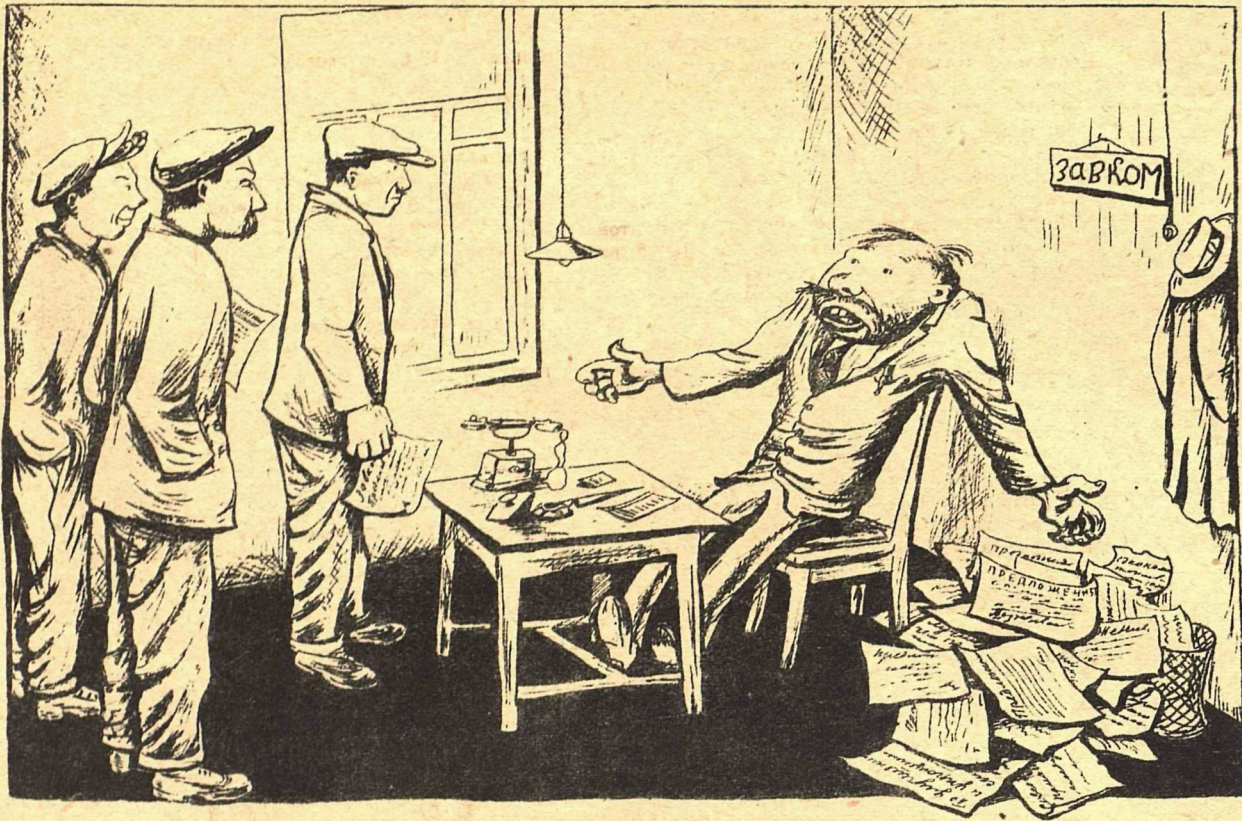
Рис. Ю. Ганфа

30 1949

КАК КОНДРАТЬЕВЦЫ МЕЧТАЛИ ВЕХАТЬ НА ЦАРСТВОВАНИЕ В СССР.

Рис. А. Элита

— Да отстаньте вы! Тут горячка — членские взносы получать, ордера выдавать, а вы пустяковыми бумажками.

(Телеграммы от собственных и чужих корреспондентов)

ВСЛЕД ЗА ПУШКАМИ — ПРЕЗИДЕНТ

ПАРИЖ, 25/X. — Французский президент Думерг прибыл в Марокко с очередным визитом. Президент был чрезвычайно удивлен малочисленностью встречающих. Военное командование объясняет это прискорбное обстоятельство тем, что местное население еще не успело оправиться от предыдущего дружественного визита... французских пушек.

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

БЕРЛИН, 25/X. — Во вновь открывшемся германском рейхстаге с очень внушительным внеочередным заявлением выступил 130.000 забастовавших берлинских металлистов.

КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ

МУКДЕН, 24/X. — У мукденского правительства вновь обнаружился почти полная атрофия памяти и паралич языка.

МУКДЕН, 26/X. — В состоянии больного наступило некоторое улучшение. Память у г. Чжан Сюэ-яна восстановилась настолько, что он начал даже вспоминать тов. Блюхера. К больному вернулся также утраченный было дар речи. Остается пожелать, чтобы одновременно исчез и паралич движений, не дающий мукденскому правитель-

ству возможности подтвердить свои заявления определенными действиями.

Для этого необходимо оздоровить некоторые китайские центры, раз'еденные «белым» грибом.

СТИЛЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК

ВАРШАВА, 24/X. — Пилсудский, как известно, поставил фашистский крест на всех списках депутатов в сейм, кроме фашистского.

В интервью с представителями печати маршал, звучно высморкавшись на дорожной бельведерский ковер, заявил:

— Я не какой-нибудь паршивый бюрократ и питаю органическое отвращение к излишней переписке. Зачем портить столько бумаги на сволочные списки и осложнять хамскую переписку. Короче говоря, — а ну вас всех к паршивым псам и вонючим свиньям!..

ЗАСТОЙ В ТОРГОВАЛИШКЕ

ВЕНА, 27/X. — Проездом из Варшавы в Бухарест прибыл комми-вождер французской фирмы Фланден. Торговля идет из рук вон плохо, несмотря на то, что Фланден сам является министром торговли. Антисоветскими фальшивками никто не интересуется. Газетные утки протухли, лежа на развале. Под шумок Фланден пытается вторично перепродать уже порядком поддержанный антисоветский блок, перекрашенный сейчас во вторую аграрную конференцию.

Принял по радио И. Амский.

БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ „КРОКОДИЛА“

Издание 3-е, совершенно реконструированное

Главный редактор — САВЕЛИЙ ОКТЯБРЕВ.

Л

Мы не скрываем от читателей, что вышеозначенная согласная буква носит на себе явную печать оппортунизма. В самом деле: в старину буква Л была известна под названием «Люди». Название звучное и, казалось бы, многозначительное, но что оно, в сущности, означает? Ничего оно, в сущности, не означает, потому что люди людям — рознь. Рабочие — люди? — Люди. А капиталисты — тоже люди? — Тоже люди. Ударники — люди? — Люди. А шурики, лодыри, рвачи, летуны, бюрократы, головотяпы, левые загибчики и правые уклонисты — тоже ведь люди? — То-о-же, люди!.. А какой от них толк?

Ясно: сказать «Люди», это значит — ничего не сказать... Так что мы попросили бы букву Л выразиться определеннее и точнее. Общие места и неопределенные, уклончивые, формулировки нам, по правде сказать, надоели.

ЛЕВЫЙ — как будто бы полная противоположность правому, точно так же, как и ПРАВЫЙ — ЛЕВОМУ, но это только так кажется. В действительности, разница между ними не особенно велика, да и расстояние — тоже: эти «противоположности» очень легко и быстро сходятся.

ЛОШАДЬ — ну, как бы это вам объяснить?.. Ну, представьте себе какой-то такой допотопный трактор или автомобиль, с четырьмя ногами вместо колес — и всего-навсего в одну несчастную лошадиную силу!

М

Это — честная советская буква: ничего уж не скажешь!.. С нее начинаются такие необходимые вещи и процессы, как машины, машинное строение, механизация, металлы и... Гм!.. Извиняемся!.. меньшевики тоже, кажется, начинаются с этой буквы.

Но это не так уж важно. Во-первых, меньшевики не начинаются, а кончаются: не на букву м кончаются, а вообще. Во-вторых же, в нашей Энциклопедии им все равно нет места: мы решили не помещать в ней неприличных политических слов.

МАСКА — то же, что личива. Едва ли есть надобность подробнее распространяться об этом предмете не первой необходимости: кто же не знает, что такое Маска? Ну, а если не знает, то спросите у знакомого вредителя или у правого уклониста.

МОЛЧАНИЕ — обычно — знак согласная. Но с кем и с чем? Уж если человек взялся молчать, то от него не добьешься ответа на этот вопрос...

Отсюда, конечно, еще не следует, что с него, с такого человека, и спрашивать нечего. Если он, например, крупный политический деятель, то как же не спрашивать с него? Ну, пусть не все и не очень много, но хоть что-нибудь: хотя бы АЗБУКУ КОММУНИЗМА и ответы на ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА!

(Продолжение в след. номере).

ДВА ТЕМПА

(По дороге в Магнитогорск)

ЕСТЬ такие нервные люди, которые очень неодобрительно относятся к опозданию поездов. Это, мол:

- И прорыв на транспорте.
- И срыв перевозок.
- И разрыв с промфинпланом.
- И четырехлетка в пять лет.
- И недопустимое явление на тринадцатом, так сказать, году...

А вот кое-кому иное опоздание поезда может даже подсобить. Наш поезд, идущий по Казанской дороге, из Москвы в Свердловск, опоздал всего на четыре часа. Всего четыре часа опоздания! Хотя и был это неподдельный скорый поезд.

Мелочь, — скажете. Какой же это уважающий себя скорый поезд, ежели он не опаздывает на полчаса или хотя бы на восемь часов?

Но и этого маленького опоздания было бы достаточно, чтобы не успеть на оренбургский поезд с двумя вагонами до Магнитогорска.

Оренбургский поезд, однако, был тоже не лыком шит.

Он широко развернул темпы опоздания и перепоздал наш поезд на три часа.

Все шло, как по маслу.

Добрый кассир станции Свердловск продавал плацкарты в магнитогорские вагоны только до ближайших станций, а магнитогорским пассажирам оставил одно утешение:

— Езжайте пока в кустанайских вагонах. За Челябинском пересядете. Там все равно поезд на каждой станции по пять часов стоит. Успеете!..

Да, он был прав, этот добрый, распорядительный кассир.

Надо же было нашей «летающей черепахе» так распределить свой маршрут, чтобы пройти пятьсот километров в... двое с половиной суток.

Сложная задача!

Мы часами стояли на станциях. Маневрировали от нечего делать. Заходили в тупики и выходили из тупиков. Опять стояли. Маневрировали...

Чего не сделаешь для того, чтобы вместо одной ночи продержаться в пути три ночи и два дня? Представьте — в вагонах нашлись недовольные.

Работники-энтузиасты с Магнитострой пламенно говорили о бешеном темпе своего строительства и впадали в бешенство на долгих стоянках:

- Там нас ждут, а мы здесь ждем.
- Чего мы ждем?
- Как чего? — замечали хладнокровные, — а может, встречный поезд пройдет?
- А может, он не пройдет? Может, он не знает, что мы его ждем?
- А может, и знает, мало ли...

Инженеры, мобилизованные в двадцать четыре часа с разных мест, понемножку демобилизовывались в пятидесятый час пути.

— Темп, говорите? — спрашивали они язвительно у магнитогорцев.

— Темп!.. — отвечали пламенные магнитогорцы, — то-есть такая, знаете ли, стройка. Плотины... вместо шести месяцев — в три с половиной. Новые участки. Разведка... Не по дням, по часам растем...

— По часам, говорите?.. гм... а который это уже час против наших окон маячит все одна и та же станция Троицк?

И движимые «темпом» инженеры лезли на верхние полки, утыкались сонными носами в стенку.

Один лишь матерой профработник, перебрасывающийся из Днепропетровска в Магнитострой, мечтательно оглядел спящий актив вагона:

— Эх, вот где бы провести собрание! Без регламентов. Без ограничения в прениях. Эх, какой актив без собрания пропадает!..

Непробудным сном спали проводники. Зевала администрация сонной станции. Незримо летели «молнии» по гудящим проводам Магнитогорск—Москва—Магнитогорск.

... И был день, и была ночь. И еще день. И еще две ночи...

Два разных темпа уживались рядышком, как добрые неразлучные соседи.

А. Митницкий.

КРИЧАЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

- Не понимаю я такой политики!..
- Именно?
- Кричат, кричат о кадрах, а меня, кадрового офицера, — вычистили!

ЗАГOTOВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

- Как будущее время от глагола «заготавливать»? Я...
- Я привлекаюсь к ответственности.

ГЕРОЙ

У РОДИОНА Прыщина героическая душа. В гражданскую войну громкие победы Красной армии и военные сенсации заставляли его буквально трепетать. Его познания в военном деле были весьма значительны. Он собирал и хранил газетные вырезки о всех героях.

Прыщин был убежден, что когда-нибудь ему представится случай отличиться. В ожидании этого дня он не бросал службы счетовода.

— Роднон Иванович, — говорили ему друзья, — бросайте вашу геморойную работу. Берите винтовку и становитесь в ряды Красной армии. У вас есть знания, сила. Вы можете оказать...

— Все это так, оправдывался Прыщин, — но и здесь, знаете ли, работники нужны. Нельзя же тыл разрушать. Пускай без меня обойдётся.

★

В дни, когда корпуса гигантов новых заводов и фабрик вырастали в индустриальные крепости, Прыщин с досады грыз ногти.

— А верно мне говорили. Участвовал бы Прыщин в гражданской. — разве сидел бы теперь Прыщин за этим столом? Никогда!

И победы на мирном строительстве заставляли

его трепетать. Он хранил газетные вырезки о тракторостроях и комбайнстроях.

Прыщин был убежден, что когда-нибудь ему придется отличиться. В ожидании этого дня он не бросал службы счетовода.

★

— Роднон Иванович, — говорили ему друзья, — у вас есть знания, сила. Поезжайте работать на Магнитострой, Кузнецкстрой. Вы там нужны.

— Да, — соглашался с доводами Прыщин, — но скучно все это... Разве там жизнь. Если бы какое-нибудь военное столкновение, — можно было бы показать героизм. А здесь... Как-нибудь без меня обойдётся.

★

Когда Магнитогорск и Кузнецк будут выбрасывать сотни тысяч тонн угля и металла, а Березники и Бобрики опутают электропаутинами страну, Прыщин будет хранить газетные вырезки и нервно грызть ногти.

— А верно мне говорили друзья. Пожалуй, и здесь можно было показать героизм...

А пока — Прыщин убежден, что когда-нибудь представится случай отличиться.

Он сидит за столом и ждет...

В. Голоскер.

Рис. И. Каликина

АВТОДОР ПО-ПЕШЕХОНСКИ

— Ну, вот и все! План работ выполнен на сто процентов.

ДАЙТЕ СМЕНУ!

СОБЫТИЯ, происходящие на бирже труда, потрясли Биркина до основания. Ему казалось, что рушатся какие-то незыблемые устои, меняются законы природы, и Днепр течет вспять, нарушая все расчеты строителей Днепростроя. Собственно говоря, сам Биркин в бирже труда нисколько не нуждался, состоял на советской работе, а в свободное от служебных занятий время наводил порядки в квартире, так как был ответственным с'емщиком. Вот это-то последнее занятие, то-есть не столько наведение порядков, сколько звание ответственного с'емщика, и заставило Биркина потрястись.

— Верите ли, — места себе не нахожу! Как же ж так — нет безработных? Это ведь потрясение! Чем же люди жить будут?

Собеседники изумлялись такой постановке вопроса:

— Бог знает, что вы говорите, Иван Петрович! Раз нет безработных, значит, все на работу стали. Вот работой и будут жить!

— Много проживешь работой по нынешним временам! Например, вот вы! Какая у вас специальность, извините? Если фактическая, конечно? С чего вы живете?

— Я? Литератор... Пишу, зарабатываю... Вот моя специальность...

— Ли-те-ра-тор? — в голосе Биркина было не то презрение, не то жалость к неудачнику. — Хорошо, возьмем вашу специальность! Разве ж она прокормит? Фину — плати! За комнату — плати! На заем — подписывайся! Общественную работу — неси! Не специальность, а разорение. А вот возьмите Никанора Михайловича — это специалист! И, представьте, — уничтожают!

— Никанора уничтожают? Как же это?

— Не лично, но как класс! Специальность его упраздняют!

— А какая же у него специальность? — Безработный. Вот уж на моей памяти тринадцать лет — безработный!

— Позвольте, Иван Петрович, какая же это специальность? Это несчастье, а не специальность! Чем же он живет эти тринадцать лет?

— А тем и живет, что безработный. Вы говорите, — несчастье, а не специальность. Предложите-ка ему с вами меняться, — что он вам скажет? Вы думаете, на вашу проголодь пойдет от сытой жизни-то? Да никогда!

— Раз'ясните, Иван Петрович! Как так — безработный и...специальность? Не понимаю!

— Очень даже понятно и без раз'яснений. Раз безработный — фину не платит, за квартиру — гроши, общественная работа отпадает и еще пособие! Вот вы и подчитайте по вашему бюджету, какой у него доход от специальности-то!

— Но, позвольте, при чем же тут все-таки специальность?

— А при том. Попробуйте-ка вы тринадцать лет безработным пребывать? Да вас бы уж сотни раз на работу послали. А ему — ничего! Только что у нас страна несуразная, — а в Америке бы ему большие миллионы платили как безработному-то! Показывали бы! Люди и на работе, и налоги платят, и за квартиру, а он — ничего! Безработный — и ладно!

— Чем же он живет?

— Своей безработностью и живет. Времени свободного у него много, какая работа у безработного? Сходил на биржу, перерегистрировался, пособие получил — и свободен. Вот и живет.

— Значит, он еще чем-то занят?

— Это уж дело не наше: документ у него есть — безработный он. А что он в свободное время делает, — не наше дело! Вон, Чемберлен, говорят, тюльпаны сажает, а великий римский полководец Цезарь, вроде вас, книжки сочинял! Не чета нам с вами живет! И вот, — пожалуйста! Эдакую специальность упраздняют! Нет, говорят, безработных! Куда же человек пойдет-то теперь?

— На работу пойдет...

— Вот и на бирже так ему сказали. А того не учитывают, что не по его это специальности: как может человек, ежели он по специальности безработный, на работу итти? Что-то я и в толк не возьму! А о будущем и подумать страшно! Упраздняют специальность и кадров новых не готовят!

— Каких еще кадров?

— А безработных-то! Пропадает ведь специальность...

— Да подумайте, что вы говорите! У нас рабочих рук нехватает, а вы хотите безработных создавать!

— Я не про то, а про специальность. Редкая специальность. Хоть бы смену дали. Всем смену дают — и вашему брату, и рабочим, и прочим! А безработным — никакой смены! Так с Никанором и погибнет квалификация... Какая квалификация-то! В Америке бы...

И ходит Брыкин, как потерянный, — гибнет редкая специальность, гибнет высокая квалификация, и никто не обращает внимания!

Как же быть, товарищи?

Вл. Павлов.

„БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ЗВЕРСТВА“

Рис. Л. Генча

— Бедный Семен Семенович! С таким трудом устроился безработным и вдруг на работу посылают.

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ДЕЗЕРТИРАМ

Рис. Д. Мельникова

В НАШЕ время частых мобилизаций дезертирское дело составляет немаловажную отрасль в жизни ловчила всякого рода.

Дезертирство в сущности не имеет никаких теорий, не говоря уже о практических учебниках. Только теория и практика правого уклона могут считаться отвечающими духу дезертирства. И то не совсем удачно — в виду бесталанности.

Желая, так сказать, восполнить пробел, мы и рекомендуем несколько отличных советов, составленных на основе горького опыта.

ДВА СЛОВА О ДЕЗЕРТИРАХ

Дезертиры состоят из двух категорий: шкурников и людей с характером.

Категория шкурников общезвестна. Шкурникам не нравится разница в окладе, квартире, удовольствиях, словом — в личном благополучии.

Люди же с характером начинают дезертирствовать совершенно бессознательно. За годы революции и неустанной борьбы у них выработался привычный рефлекс на сопротивление. Без борьбы они не могут менять свои позиции.

— Я считаю своим долгом, — объяснял нам один матерой ловчила, — если меня куда-то тянут, прежде всего — упереться, дать отпор, а потом уж соображать — согласиться или не согласиться!

Такие люди иногда сами своего счастья не понимают!

ГЛАВНОЕ — СПОКОЙСТВИЕ И ВЫДЕРЖКА

Неопытный ловчила, получивший известие о мобилизации, весьма похож на буйвола или бизона, который ощутил у себя на шее аркан охотника.

Он впадает в панику, поднимает шум и рев, ужасно брыкается, роет землю, потест от излишних телодвижений.

Подобное поведение только отягощает судьбу дезертира.

Еще древние греческие мудрецы утверждали, что:

— К мобилизованному ни у кого нет жалости!

И, действительно, мобилизованный, впадший в панику, не только не вызывает сочувствия, а наоборот, служит всеобщим посмешищем. Немобилизованные смотрят на него, как на муху, попавшую на клейкую бумагу.

— Влип? Ну, выкарабкайся, выкарабкайся...

Если заметят, что мобилизованный выкарабкивается на край, — любезно пересадят его снова в самую середину.

Поэтому, — мы советуем прежде всего побольше выдержки и хладнокровия. Мобилизованный должен показать полное равнодушие к предстоящей участи.

— Поздравляю! Ты мобилизован! — спешат с утра обрадовать друзья-приятели, пронохавшие раньше всех о мобилизации. — На работу в район!

Нужно сразу взять себя в руки и спокойно ответить, не бросая дела:

— Серьезно? Ну, что ж... Раз нужно — ничего не поделаешь...

Такое спокойствие вызывает у злобных друзей-приятелей небольшое остолбенение и растерянность. А это в свою очередь создаст шанс, что поедет вместо тебя кто-нибудь из них.

— А ты зачем, Крокодилушка, пришел: здесь конкурс ведь на лучшее предприятие?
— А мне, милоч, достанется на вилы худшее!

КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В КОМИССИИ

Самое важное — не делать ошибок в мобилизационной комиссии. Для этого туда нужно прийти в свежем, не утомленном состоянии.

Неопытные ловчицы обыкновенно собирают накануне семейные и дружественные советы, подбирают аргументы по степени их важности, не спят всю ночь, вообще — мучаются.

Все это глупости. Перед явкой в комиссию следует провести время беззаботно. Сходить в кино. Освежиться у парикмахера. И ни в каком случае не заготавливать в запас возражений.

Мы знали одного типа, который пришел в комиссию с 18-ю неотразимыми, по его мнению, доводами, и че-

рез десять минут разговора с председателем от них не осталось и следа.

Дело в том, что в комиссии уже заготовлен на каждый твой аргумент целый десяток блестящих опровержений.

— Товарищ! У нас у всех неврастения! У кого ее нет!

— Товарищ! У нас у всех жена! У кого ее нет!

— Товарищ! У нас у всех комнаты нет! У кого она есть!

Перекроют все равно!

Поэтому и в комиссии нужно держать себя просто и спокойно. Как будто мобилизация тебя и не касается.

Когда председатель спросит:

— В какой район вы хотите ехать? Нужно ответить без всякого эффекта:

— Куда пошлют, туда и поеду.

— Позвольте! — возразит нам какой-нибудь ловчила, — если так вести себя, обязательно пошлют!

Вот и хорошо! Бесспорно это самый лучший результат мобилизации. Мы к этому и ведем.

Во всяком случае, рекомендуемое нами поведение — самое наилучшее и правильное, в чем и просим каждого мобилизованного убедиться на практике.

Б. Самсонов.

"Крокодил" на галерке

О КОНТРАМАРКАХ

С ОТКРЫТИЕМ театрального сезона встал грозный вопрос:

Как быть с контрамарочниками?

Контрамарочники — зло, язва, гнойник, прорыв, но борьба с ними до сих пор не дает благих результатов. В чем дело? Почему?

Прежде чем дать ответ, попытаемся вскрыть социальные корни этого возмутительного явления.

Первый корень зла — администратор театра! Администратор театра, как и всякий другой незащищенный паразит, больше всего на свете опасается потерять свое теплое местечко. Поэтому он боится газетчиков, милицейских, пожарных, санврачей, электромонтеров, совработников, студентов, безработных, домашних хозяек, — словом, все население города внушает ему страх и подозрение.

— Чорт его знает, — рассуждает администратор о контрамарочнике, — кабы чего не вышло, может быть, он знаком с кем-нибудь! Лучше дать, чем иметь неприятности!

И дает.

Второй корень зла — контрамарочники как класс, порожденный попустительством администрации.

С юридической точки зрения все контрамарочники — обыкновенные уголовники. Их можно судить за вымогательство, за кражу через форточку и т. д. Но, поскольку это явление стихийных масштабов, — милиция и прокуратура бездействуют, и контрамарочники находятся пока на свободе.

С точки зрения социальной мы здесь видим укоренившуюся в населении привычку «доставать».

Доставание уже давно обратилось в спорт.

Не мало людей считают день потерянным в жизни, если не сумеют достать ордер хотя бы на захоронение или, в крайнем случае, просто контрамарку в театр или в кино.

С точностью установлено, что ни один уважающий себя москвич не покупает билетов. Ему не жаль денег, нет. Просто он считает унижительным подойти к кассе. Билеты покупают наивные провинциалы, не осмотревшиеся в столице.

Метод работы контрамарочников однообразен. Они обычно угнетают администрацию какими-то бумажками и записочками, которые они сами пишут тут же, на стене, у окошечка. Наиболее заматерелые в злодеянии даже к администратору не ходят, а идут с независимым видом прямо в первый ряд, а если ведут с собой компанию, то дают твердое распоряжение контролеру:

— Пропустите их!

И контролер так же, как и администратор, пропускает с поклоном.

Совершенно охамевшие контрамарочники ходят даже в директорскую ложу. Для этого нужно только самоуверенно сбросить пальто капельдинеру и строго спросить:

— Сам еще не приезжал?

Какие же меры борьбы? Как погасить у населения контрамарочную страсть?

Меры, безусловно, есть.

В Тульском театре у окошечка администрации вывесили плакат:

Контрамарки унижают достоинство человека, — не берите их!

Это, конечно, идеализм! Туляки не гордые и берут, унижаясь пуще прежнего.

Мы предлагаем более решительную меру.

Окошечки администраторов надо заштукатурить навсегда. Самох администраторов послать для полезной работы на периферию.

А выдачу контрамарок, чтобы окончательно отбить охоту у населения, поручить больничным амбулаториям и страхкассе.

Тогда зло будет вырвано с корнем!

О. Брандт.

Рис. К. Елисева

— Уж мы ли не стараемся: кажется, все из кожи вон вылезли, а все говорят, что мы не идем в ногу с современностью.

КРОКОДИЛЬИ ПОЖЕЛАНИЯ ТЕАТРАМ К ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ

МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

Довольно «Воскресений»! Пора переходить на непрерывку... (и вообще на современные темы).

И МХАТУ

Работая в самом центре Москвы, не забывать, что это Москва Советская, а не Петровская.

ТЕАТРУ БЫВШ. КОРШ

Перестать, наконец, быть «бывшим» театром.

ТЕАТРУ ИМ. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА

Не впадать в отчаяние от того, что «Клоп» не боится «Бани» и не связываться с «Самоубийцами».

МАЛОЙ СЦЕНЕ МХАТ

Не обольщаться тем, что и при весьма неважной «Рекламе» могут быть хорошие сборы.

ТЕАТРУ САТИРЫ

Переменить одно из двух: или вывеску или репертуар. А то получается сплошная «Липа».

СОЮЗКИНО

Перестать «крутить» «Любовь моряка», хотя алименты польской обольстительнице уплачены уже вперед и пригом в валюте.

В ЭТОЙ окраинной парикмахерской очередь ожидающих — вроде во дочной: преобладают усишки, усы, буденновские усища, небритые, заросшие щетиной подбородки, и среди них — два-три молодых женских лица.

— Прощу! — говорит парикмахер, отодвигая кресло и встряхивая салфетку.

Очередной положил газету на бамбуковый столик с зеленым потертым бархатом и сел в теплое еще от прежнего клиента кресло. Широкое зеркало с отвалившейся кое-где амальгамой, висевшее рядом с рукописным плакатом: «Одеколон — не роскошь, а гигиена», отразило в себе крепко сложенного гражданина, слегка курносого. Виски у него серебрились, словно намыленные.

— Побрить?

— Надо подмолодить малость. А то бабы любить не стали... — усмехнулся гражданин, проводя крепкой ладошкой против острой щетины. Он помолчал, глядя, как парикмахер насыпал в зашплеванный кипяток мыльный порошок, потом сказал, продолжая свои мысли:

— Все у нас наоборот делают.

— А именно? — заинтересовался парикмахер, взбивая пышную кудрявую пену.

— Читал сейчас в газете насчет общественного буксира. Ни к чорту дело поставлено!

— Почему это ни к чорту? — громко спросил парень, сидевший у окна и дразнивший котенка. — Общественный буксир — хорошая штука!..

Гражданин оглядел в зеркале своего оппонента и проговорил:

— Хорошая. Да руки дырявые. Не знают, с какого конца за него взяться. Один гигант тащит на общественном буксире другого путиловца. Ну, заволынка и получается. Комиссия да подкомиссия да подподкомиссия. Лишний расход. А по-нашему, наоборот надо. Чтоб маленький большого тащил, да и даром....

Заметив отраженные в зеркале улыбающиеся лица, повторил настойчиво:

— Да, да. И даром... Вот слушайте. Работаю я на махоньком заводе. На Питерской стороне, в Колтовском районе, около пивной «Вена» и реки Ждановки... Да... Завод хотя у нас махонький, но в порядке, — и всякие там планы с концами вполне сводим, и всякие там снижения с превышением еще проводим. Вот и читаем мы в обедперерыв о прорыве на одном гиганте. Эге, думаем, тут и нас дело касается. Дай, думаем, мы их на общественный буксир возьмем...

В зале засмеялись, девушки хихикнули.

— Не беспокоит? — спросил парикмахер, наостривая бритву о коричневый ремень.

— Нет. Меня, хоть литовской косой брей, не беспокоит. На фронте стеклом бривались... Да... Думаем, дай-ка мы их там обстругаем. И дадут мне ребятя путевку в зубы, — иди, поезжай, обстругивай! Приезжаю я на двадцать третьем номере к их красному директору: так, мол, и так. А у него, надо сказать, кабинет как раз вроде нашего полдеха будет.

Говорю:

— Решили мы взять вас на общественный буксир. У вас и текучесть и прогулы, а оттого и прорыв. А мы возьмем этих ваших текучников в работу. Что им здесь: завод или Ситняя барахолка?

— Да вы одурели! — говорит ди-

ректор. — Весь-то ваш заводик — аршин с трубой. Вы бросьте это расфасонивать...

Отвечаю:

— Аршин-не аршин с трубой, а вот решили, жалючи, все-таки взять вас на буксир...

Кричит он:

— Да где это видано, чтоб такие козявки слонов на буксире вели?!..

— Вы вот тут козыряетесь, — говорю я, — а видать никогда буксиров не видали. А я, если хотишь знать, восемь лет на барже водоливом ходил. Всю Маринку вплоть до Астрахани города... Да... Баржа, она всегда буксира в пять раз больше. На барже палуба — во! Что ваш заводский двор или Дворцовая площадь! Только толку с величины ее мало, баржа — не вертка, без буксира — ни к чему... И вообще, как хотите, а мы завтра в газете все-таки опубликуем наше предложение, что мы вас на буксир хотим взять...

— Оставьте вы, пожалуйста, — говорит он, и чернилку на новое место переставил. — Да нас весь Союз за смеет!

И пошел к техническому директору. Слышу, шабаршат они там бумагами, технический кипитится:

— Позор!.. К чорту!..

А красный отвечает полушопотом: — Нельзя!.. Общественное начина-

ние!.. «Ну, — думаю, — чай, примечай, куда чайки летят. Попало им не в бровь, а в оба глаза».

Выходит технический, берет меня за спецовку и говорит:

— Вот что, товарищ!.. Большое спасибо вам за помощь. Вы обождите только две-три недельки. За это время мы и сами без вашего буксира постараемся подтянуться... Этих текущих и прогулянов под большой палец возьмем... Ну, уж если тогда ничего не выйдет, тогда...

Развел руками:

— Милости просим!.. Володейте нами!..

И ведь ничего, поправился гигант. На один процент, кажись, даже план перевыполнил!..

Гражданин замолчал, так как парикмахер, взявшись протабаченными пальцами за кончик носа, сбрывал усишки двухнедельного стажа.

— Да!.. Однако, это не все! — продолжал рассказчик. — Прихожу домой... Рассказал бабе. Смеется. А наутро она заявляет мне, мы с ней на одном заводе колотимся:

— Вот что, Митя, беру я тебя на общественный буксир. И объявлю об этом в нашей газетке. А то срам, — десятичных дробей не знаешь, а активом числишься, проценты, планы проверяешь... Пока ты по собраниям да пивным шлялся, я все эти дробь до самых пяток произошла...

— Брось ты, — говорю я сердито, — выдумывать. Ребята засмеют. У бабы на буксире итти. Еще чего нехватало. Ну те к чорту!..

— Дело твое, — отвечает она, — а только я завтра в газетке объявлю, что хочу тебя взять на буксир...

Бритье окончилось. Гражданин встал, почесал чисто выскобленный, сразу побелевший затылок и сказал:

— И пришлось выучить... Чтоб только от этого буксира отделаться... Сколько с меня за это удовольствие? Сорок копеек? То-есть ноль целых и четыре десятых рубля. Правильно?..

Вл. Тоболяков.

РАННЕЙ весной нынешнего года Рославльскую землю осчастливила нога ученого мужа.

Метровые афиши возвестили о предстоящем цикле лекций в ж.-д. рабочем клубе «проф. биологии А. С. Тицнера».

Падкая на громкие вещания публичка заполнила большой зал ж.-д. клуба.

Профессор — редкое явление в маленьком городке. Вскоре стало известно, что профессор избрал Рославль местом своей работы и стал преподавателем естествознания во вновь открывшемся рабфаке.

Научные «неточности» лекций удалого профессора, его манера держаться с самого начала заронили червь сомнения в умы близко с ним соприкасавшихся...

Комиссия по чистке соваппарата проверила, не язляется ли Тицнер, биологии профессор, прямым потомком гоголевского Хлестакова, — перед нами дело на 22 листах, увенчанное хладнокровным, вразумительным заключением: «Тицнера Сергея Адольфовича, как лжеспеца и карьериста с признаками афериста, с работы снять по первой категории. Сфабрикованные документы на имя «профессора» изъять».

Оказывается, звание профессора Тицнеру дали в 1925 году в Обуховской слободе, Богородского уезда, Московской губ., на суконной фабрике, где благодарные организации фабрики «от рабочих и служащих Обуховской гос. суконной фабрики» преподнесли адрес «профессору биологии Сергею Адольфовичу Тицнеру».

Профессор, так профессор — решил Тицнер, и в последующих справках: Бердянского союза кустарей Новохоперского рабочего клуба, Керченского союза строителей и даже введенного в заблуждение культотдела ВЦСПС (от 8/V—1925 года, № 414/218/05151) Тицнер именуется не иначе как профессором.

Есть у Тицнера и более старые документы. Из них мы узнали, что Тицнер в 1918 году занимал должность секретаря правления Казанского союза потребительских обществ.

В 1921 году он — инструктор Казанского райотдела союза пищевиков. А дальше — дело известное: раз Тицнер — профработник, то приставка «проф» легко расшифровывается словом «профессор». Своею собственной рукой расшифровывает свое звание Тицнер в ряде документов, своею собственной рукой фабрикует он свидетельства об окончании математического факультета «Императорского с.-петербургского университета» и т. д.

Для пущей важности он в анкетах кончает даже Оксфордский университет в Англии, и на вопрос в анкете, «чувствуете ли себя подготовленным», — отвечает: «вполне».

В комиссии по чистке Тицнера спросили: «Числите ли вы на учете как профессор?» — Тицнер ответил: «В настоящее время — нет».

Но без всякого учета, уважаемый профессор может прочесть лекцию на тему о том, как легко надуть легковверные организации в провинции.

Григорий Горячий.

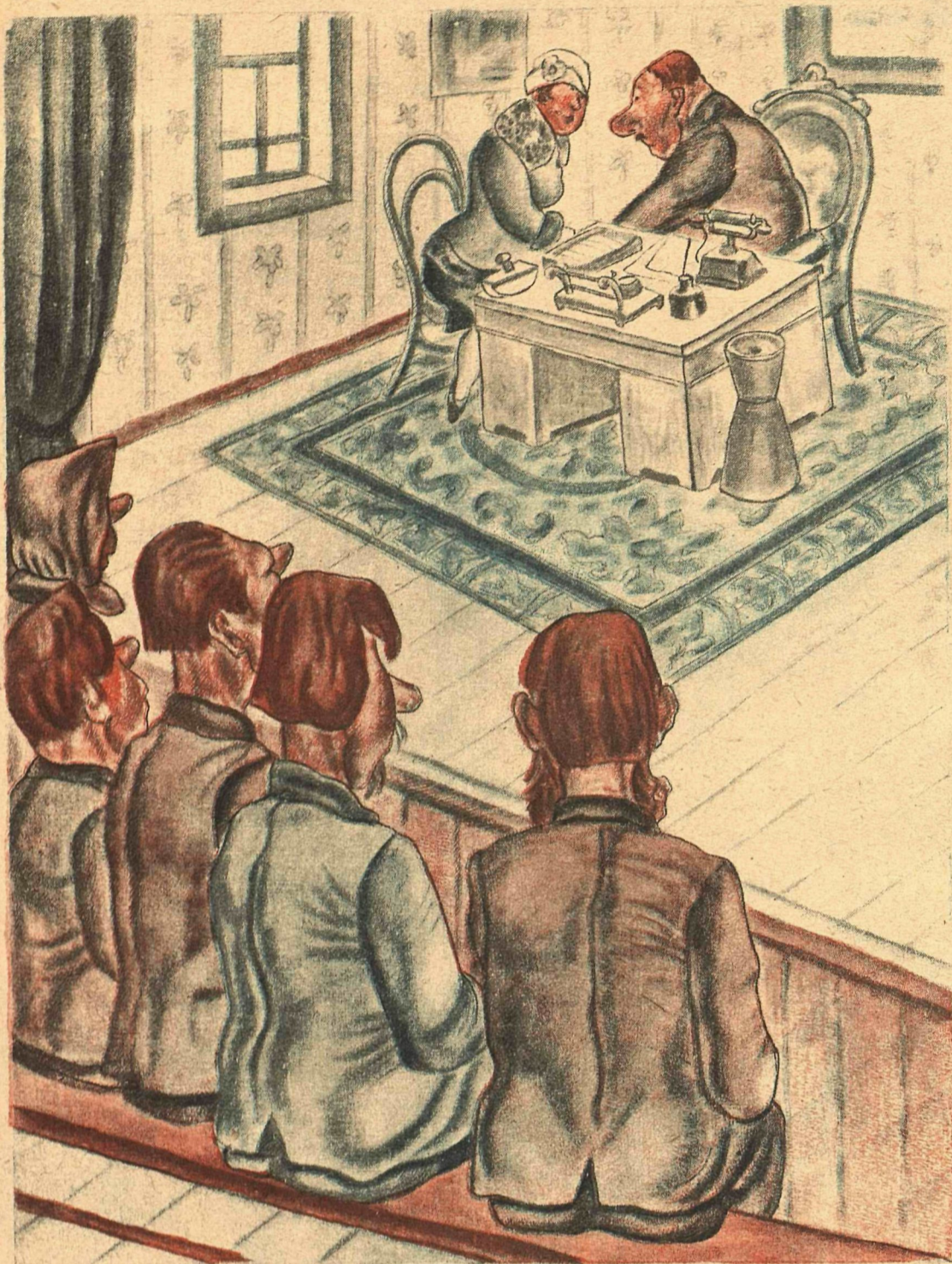
Рис. М. Храпковского

Многие учреждения отделываются от Магнитостроя только обещаниями, которые вскоре и забывают.

— Вот, если бы такие узелки завязывать на память, — небось, не забыл бы о Магнитострое!

Рис. И. Каликина

— Пьеса-то, знать, довоенная: безработная машинистка на службу устраивается... Откуда теперь машинистке быть безработной?

ТРУБА ленинградской фабрики «Красный ткач» дымилась. Черный дым выползал длинным хвостом и расплывался, таял на фоне белоснежных облаков. Один из проходивших мимо фабрики рабочих сказал:

— Не экономят, черти, топлива!..
— Почему ты думаешь?
— Черный дым... Собрать этот черный дым, сколько им можно черных досок окрасить. Дескать, экономят топливо, шуруй как следует...

А в кочегарке «Красного ткача» шурували. Механик стоял и говорил со свободными кочегарами:

— Каменный уголь добывается с трудом... Его экономить надо...

— А как он делается этот каменный уголь? — спросил молодой кочегар с вымазанным в угольной пылью лицом.

— Делается! — усмехнулся механик. — Всекие деревья, растения тысячи лет лежат под землей, потом из них образуется каменный уголь...

— Скоро, пожалуй, у нас на фабрике можно будет добывать каменный уголь... — сказал молодой кочегар.

— Откуда?

— А из рабочих предложений. Они уж годами вроде, как под землей, под сукном валяются...

— Ну, — улыбнулся механик, — коли так, — им еще надо много тысяч лет ждать...

— Подождут! Администрация в этом поручится.

— Так, — продолжал механик, подбирая с пола уголек, — разбрасывать топливо не надо... Ну и вот от наших топок идет пар, и он приводит в движение машины. Вот, скажем, нашей фабрики технических сукон...

— А что такое техническое сукно? — спросил кто-то. — Из него можно штаны шить?

— Это к делу не относится, — сказал механик. — Вот пойдемте несколько свободных человек, я вам покажу, как благодаря нашему топливу крутятся машины...

Пошли. Поднимаясь по лестнице, механик предупредил:

— Только чур, с работницами не заигрывать... Сейчас услышите, как шумят машины... Пальцы в машины тоже не совать...

— Что это? — через минуту тревожно сказал механик. — Не слышно, как шумят машины! Не авария ли какая?!

Механик вбежал в корпус. Машины стояли молча. Около них никого не было. Лишь уборщица подметала пол.

— Чего это такое?! — вскрикнул механик. — Где работницы?!

— А где им быть? — спокойно сказала уборщица. — Которые спят, поди, еще, которые на рынок пошли...

— Почему спят? Почему на рынок?!

— А чего им делать? — удивилась уборщица. — Раз у их свободный день сегодня...

— Как свободный! — вскрикнул механик. — Почему ж меня не предупредили?! Мы ж там зря топливо расходует!!

И бросился вниз в кочегарку. Один из экскурсантов-кочегаров сунул палец в машину и усмехнулся:

— Молчишь... А мы на тебя, значит, сейчас уголь шуруем и шуруем! Дела!..

Труба ленинградской фабрики «Красный ткач» продолжала куриться черным, черным дымом...

Тоб.

НАД листочком бумаги, испещренным цифрами, как лицо после оспы ямочками, склонились два дира: красдир и техдир.

— Может, Алексей Степанович, — нарушил тишину техдир, — какие-нибудь объективные причины подойдут? Директор раздраженно буркнул:

— Да что вы, ей богу, Петр Петрович. Обстановки не учитываете. Это все равно, что выйти на площадь и начать громко орать:

— Я против индустриализации! Ура-а! Кто следующий? Уж лучше прямо зайти в РКИ и заявить: я, мол, правый уклонист на практике, — снимайте с работы. Тоже скажете — объективные причины. Знаем мы эти причины, за которыми следом и следствии.

Наступило злостное молчание.

БОРЦЫ ЗА САМОКРИТИКУ

— Все проклятый сборочный цех, — снова начал Петр Петрович. — Если б только успел он собрать все детали, как раз 101,4 проц. получилось бы.

— А детали все готовы, — перебил красдир.

Петр Петрович подтвердил свои слова кивком головы.

— Ну, тогда, — решил директор, — мы просто не имеем права позорить весь завод из-за одного цеха. Раз детали готовы, то и надо писать в отчет 101,4 проц. Ясно ведь. А сборочный — это мы подтянем...

В отчет была вписана цифра в 101,4 процента.

А ровно через месяц снова два дира склонились над столом.

— Что теперь за причина? — спросил директор.

— Да причина все та же. Сборочный-то ведь у нас полмесяца старый хвост ликвидировал. А вот, если б тогда, Алексей Степанович, мы не правильности не совершили, у нас бы теперь как раз 100,8 процента было.

— М-да, — промычал директор и погрузился в размышления.

— Вы совершенно правы, Петр Петрович, — проговорил он, наконец. — Мы совершили в прошлом месяце...

ну, как бы это назвать... ошибку, скажем. Неправильную сборку в прошлый месяц вписали. Ошибка сделана, ошибка осознана, значит, надо ее исправлять. Перепишите, Петр Петрович, — закончил решительно директор, — всю работу сборочного цеха на этот месяц и давайте отчет на 100,8 процента.

Техдир попытался было возразить, но Алексей Степанович решительно замахал руками.

— Нет, нет, Петр Петрович. Вы меня отговаривать бросьте. Я как коммунист должен свои ошибки уметь признавать и исправлять. На то, батюшка, у нас и самокритика. Пишите в отчет 100,8 проц., и никаких больше разговоров.

Э. Локк.

МАРТОБРЯ 99—ГО...

Веселый номер выкинула редакция саратовской газеты — «Дети Октября» — 19-й номер этой самой газеты.

Под кляше, помещенном на первой странице и изображающем эффектное сочетание водяных знаков, дана лаконичная, но любопытная подпись:

«Сейчас происходит призыв молодежи родившихся в 1918 г. Чем вы можете призыву?»

Что это за «молодежь родившихся», какой призыв «18-го года?» — спросит читатель и решит:

— Наверно, эту газету выпустили для шутки 1 апреля.

Ничего подобного. Под титульным заголовком, рядом с четкой надписью — «Орган крайкома ВЛКСМ», указана дата — «99-го сентября 1930 г.».

Дальнейшая судьба «Детей Октября» нам неизвестна, так как «Крокодилу» не удалось получить следующий номер от 100 сентября.

НЕОРГАНИЗОВАННАЯ РЕДАКЦИЯ

У редакции «Оренбургской коммуны» легкость в мыслях поистине необыкновенная.

В № 240 газеты на первой странице сообщается:

Колхозом «Красный летчик» вспахано под зябь всего — навсего 303 га. Труд в колхозе не организован, и отсюда все несчастья.

На следующей странице того же номера читаем:

Небольшой колхоз «Красный летчик» вырос с 1 октября по 5-е на 86 хозяйств. В этом колхозе правильно организован труд.

Не знаем, как в колхозе, но в редакции «Оренбургской коммуны» труд, видно, никак не организован...

БЕСПРИЗОРНЫЕ

На ткацкой фабрике Павлово-Посад администрации направляет окончивших школу ФЗУ не по специальности (обмазка станков, мытье столов и т. д.).

У станков печально Фабзайчата роняют; Шепотком вначале, А потом все громче. — Для чего учили, Тратились на зайцев, Чтобы притупились От безделья пальцы?.. Завтра нас на кухне Мыть полы заставят. Знание наше тухнет, И... надежды тают... Где же СПЕЦИАЛЬНОСТЬ?.. Фабзайчата смолкли. А станки стучали:

— ТУТ у нас есть ВОЛКИ!..

А. Е.

Птичка рвачая не знает
Ни заботы, ни труда
Хлопотливо не свивает
Долголетнего гнезда!

УДОБНЫЙ ПЛАН

— Ловко идет строительство у этой организации: все время на 50% выше плана.

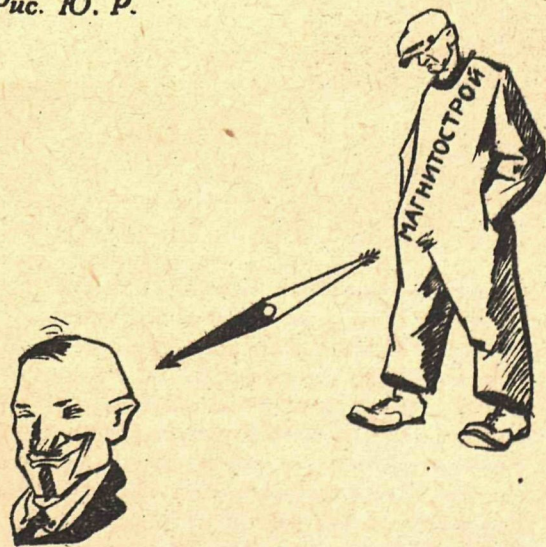
— Очень просто: у ней составление плана оправдывает на все 100%.

ГОЛОС ИЗ ПРУДА

КАРАСЬ: — С каждым днем я все больше убеждаюсь, что в рыбо-заготовительных организациях засели мои родственники: они так же неповоротливы и ленивы, как и я, любят зарываться в тину и терпеть не могут, когда их выводят на свежую воду. За свою судьбу мне беспокоиться нечего!

МАГНИТНАЯ АНОМАЛИЯ

Рис. Ю. Р.

— Лоб бюрократа, хотя и медный, но тем не менее отклоняет стрелку внимания от железного Магнитостроя.

ВИЛЫ В БОК

ПОВЕСТЬ О «БАРАНЬИХ ГОЛОВАХ»

На Тамбовском заводо-ремонтном заводе совершенно готовы к выпуску вагоны простоявшие недели из-за отсутствия одной небольшой детали, которую рабочие окрестили «бараньей головой».

Директор завода Новоженев только и делал, что разводил руками и ссылался на «объективные причины».

— Не дают нам заводы «бараньих голов». Мы здесь не при чем...

Но достаточно было приехать на завод командированному ЦК ВКП(б) тов. Астахову, как он в течение нескольких дней добился изготовления нужных деталей на близлежащем металлургическом заводе.

Партийное и профессиональное руководство на заводе уже распущено за оппортунизм. Директор пока еще чудом уцелел...

Очевидно, дело тут не столько в отсутствии «бараньих голов», сколько в том, что их, наоборот, развелось на заводе слишком много.

НОВОЕ «УЗКОЕ» МЕСТО

Недаром говорят: век живи, век учишься.

Столь вялые темпы обучения рекомендуются, очевидно, в расчете на всеобщих работников Красноярского района, Астраханского округа.

В то время, как недостаток письменных принадлежностей срывает нормальную работу школ, в местной потребительской о-не лежат 78.000 тетрадей, которые не распределяются из-за отсутствия... разветки.

Самое «узкое» место в Красноярском ОНО — это, очевидно, лбы тамошних работников.

ЛИКВИДАЦИЯ ОКРУЖНОЙ МЕБЕЛИ

Несколько своеобразно поняли ликвидацию округов работники бывшего Терского окрисполкома.

Они в первую очередь «ликвидировали» казенную мебель, находившуюся у них во временном пользовании.

«Ликвидация» заключалась в том, что они продали эту мебель самим себе по ценам раз в десять ниже существующих.

Недаром говорят, что многие сотрудники сидят в учреждении «для мебели».

Нашлись и такие ловкачи, вроде Гурджиева, которые тут же перепродали мебель по спекулятивным ценам.

Беднячки!.. Им теперь даже приехать будет негде... Но, может быть, об этом позаботится прокуратура?

ВНИМАНИЮ РАБОКОВ И РАБОЧИХ, ЖЕЛАЮЩИХ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ САТИРЫ

При редакции «Крокодила» открыта литературная консультация по сатирическому фельетону (в прозе и стихах) по темам для рисунков и по малым формам сатиры и юмора (мелочи, остроты, заметки, сценки и т. д.). Консультация будет работать по 3, 7, 13, 17, 23, 27 числам каждого месяца, с 3 до 5 ч. дня.

Консультанты: Н. Иванов-Грамен, Вас. Лебедев-Кумач, Л. Митницкий и В. Павлов.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ журнал ЮМОРА И САТИРЫ

КРОКОДИЛ

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ «КРОКОДИЛА» ДОЛЖЕН СТАТЬ ЕГО ПОДПИСЧИКОМ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В Москве — в главной конторе изд-ва «Правда», Тверская, 48. В провинции — отд. изд-ва «Правда», почт.-телегр. конторами СССР и контрагентствами по распространению периодической печати.

Подписная плата — 40 коп. в месяц. Цена отд. № — 15 коп.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ

(Вновь найденный отрывок)

Пусть десять, двадцать, пусть хоть сто компаний
 Проводят по наятно излишков:
 Стройматериалов, меди и железа, —
 Я выше всех компаний! Я спокоен,
 Набив запасами свои подвалы...
 Мне хватит их на много пятилеток.
 Тут есть станок ненужный... Вот он... Нынче
 Для нового завода умоляли
 Отдать его. Но я не отдал. Дудки!
 Пусть полежит — авось, и пригодится
 А вот — мотор... Его из-за границы

Я выписал когда-то на валюту
 И вот он здесь — заброшенный и ржавый...
 Вот часть запасная... Вот лом железный...
 Вот медный жгут... О, если бы все это
 Сейчас пошло в работу без задержки, —
 И тут и там заданья промфинплана
 Могли б превысить на заводах многих.
 Но нет! Я не отдам моих излишков!
 Кто знает, сколько разных отношений,
 Бумажных «дел», входящих, исходящих,
 Как много копий-перекопий разных

Мне стоили запасов этих груды...
 Я не отдам их! Нет, я постараюсь
 От взоров ЭРКАИ, бригад, комиссий
 Укрыть свои богатства. Пусть на складе
 Они ржавеют мертвым капиталом,
 Плитой могиальной новых начинаний
 И дел живых... Я с ними не расстанусь!

По поручению Пушкина

Вас. Лебедев-Кумач.